

Диксон против Соединенного Королевства
[Dickson v. United Kingdom] (№ 44362/04)

Постановление от 4 декабря 2007 г. [вынесено Большой Палатой]

Обстоятельства дела

Заявители являются супругами, которые познакомились благодаря сети тюремной переписки при отбытии наказания. Муж был осужден за убийство и не может быть освобожден ранее 2009 года. Он не имеет детей. Его жена отбыла срок наказания и имеет троих детей от других лиц. Заявители просили организовать им искусственное оплодотворение, которое позволило бы им иметь совместного ребенка, они ссылались на то, что в противном случае это будет невозможно, принимая во внимание наиболее раннюю дату возможного освобождения мужа (2009 год) и возраст жены (которая родилась в 1958 году). Министр внутренних дел отклонил их ходатайство, ссылаясь на то, что согласно его практике просьбы об искусствен-

ном оплодотворении могут быть удовлетворены при «исключительных обстоятельствах». Основания отказа сводились к тому, что отношения заявителей не прошли проверку в нормальных условиях повседневной жизни, что благополучие ребенка, который мог быть зачат, не обеспечено надлежащим образом, что мать и дитя могут рассчитывать на весьма ограниченную поддержку со стороны окружения и что отец ребенка будет отсутствовать в весьма важный период его или ее жизни. Было также высказано мнение о наличии законного публичного интереса в том, чтобы карательные и сдерживающие элементы приговора первого заявителя не были обойдены путем разрешения стать отцом путем искусственного оплодотворения в период пребывания в тюрьме. Заявители безуспешно обжаловали отказ.

Вопросы права

Статья 8 Конвенции применима в том отношении, что отказ в искусственном оплодотворении затрагивает право заявителей на уважение личной и семейной жизни, которое включает право на уважение их решения стать генетическими родителями. Конвенционные права сохраняются и при лишении свободы, в связи с чем любое ограничение должно быть оправдано на том основании, что оно является необходимым и неизбежным следствием лишения свободы, или при наличии убедительной связи между ограничением и обстоятельствами заключенного. Ограничение не может быть основано исключительно на опасении возмутить общественное мнение. Ключевой вопрос заключается в соблюдении баланса между конкурирующими публичными и частными интересами.

(а) *Конфликт интересов.* Что касается интересов заявителей, на национальном уровне было признано, что искусственное оплодотворение оставалось для них единственной реальной надеждой иметь совместного ребенка с учетом возраста жены и срока освобождения мужа. Очевидно, что это было для них вопросом жизненной важности. Государство-ответчик привело три причины для своего решения, а именно: утрата возможности иметь детей являлась неизбежным и необходимым следствием лишения свободы; общественное доверие к тюремной системе могло быть подорвано разрешением зачатия ребенка осужденному за тяжкое преступление; длительное отсутствие отца может иметь отрицательные последствия для ребенка и для общества в целом. По первому пункту Европейский Суд отмечает, что хотя неспособность к зачатию ребенка являлась следствием лишения свободы, она не была неизбежной, поскольку не утверждается, что предоставление возможности искусственного оплодотворения затрагивало вопросы безопасности или было связано с какими-либо значительными административными или финансовыми сложностями для государства. Что касается вопроса общественного доверия к тюремной системе, то, признавая, что наказание остается одной из целей лишения свободы, Европейский Суд подчеркивает наметившуюся в европейской исправительной практике тенденцию растущего значения реабилитационной функции лишения свободы, особенно к концу длительного тюремного срока. Наконец, хотя государство имеет обязательства по эффективной защите детей, они не могут заходить так далеко, чтобы препятствовать родителям в попытке зачатия детей при обстоятельствах данного дела, особенно с учетом того, что жена находилась на свободе и могла заботиться о любом ребенке, зачатом до освобождения мужа.

(б) *Соблюдение баланса противоположных интересов и пределы свободы усмотрения.* В данном вопросе государства-участники пользуются широкими пределами свободы усмотрения, и хотя Европейский Суд ранее выражал одобрение развитию в отдельных европейских странах практики супружеских визитов, что устраняет необходимость в искусственном оплодотворении, он не толкует Конвенцию как обязывающую государства-участников создавать законодательную основу для таких визитов.

Тем не менее систематизированная практика исключала реальное сопоставление противоположных индивидуальных и публичных интересов и препятствовала необходимой оценке пропорциональности ограничений в каждом отдельном случае. В частности, она возлагала на ходатайствующих об искусственном оплодотворении неоправданное бремя, поскольку они должны были доказать, что лишение средств искусственного оплодотворения могло полностью исключить зачатие и что обстоятельства их дела являются «исключительными» с учетом определенных критериев. Практика, таким образом, создавала столь высокий порог, что соблюдение баланса противоположных интересов или оценка пропорциональности ограничений со стороны министра или национальных судов становились невозможными. Представляется также, что проверка соблюдения баланса или оценка пропорциональности после утверждения практики не проводились. Тот факт, что эта практика затрагивала интересы лишь немногих лиц, не имеет значения. Отсутствие такой оценки следует рассматривать как выход за пределы любой приемлемой свободы усмотрения, так что справедливый баланс между противоположными общественными и личными интересами не соблюден.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (принято двенадцатью голосами «за» и пятью – «против»).

Компенсация *В порядке применения статьи 41 Конвенции.* Европейский Суд присудил выплатить заявителям совместно 5 000 евро в счет компенсации причиненного морального вреда.
